



Генеральная Ассамблея

Семьдесят третья сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
28 November 2018
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 27-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, во вторник, 30 октября 2018 года, в 10 ч 00 мин

Председатель: г-н Бьян (Габон)

затем: г-жа Понсе (заместитель Председателя) (Филиппины)

Содержание

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны направляться в кратчайшие возможные сроки за подписью одного из членов соответствующей делегации на имя начальника Секции управления документооборотом (dms@un.org) и вноситься в один из экземпляров отчета.

Отчеты с внесенными в них поправками будут переизданы в электронной форме и размещены в Системе официальной документации Организации Объединенных Наций (<http://documents.un.org/>).

18-18132X (R)



Просьба отправить на вторичную переработку



Заседание открывается в 10 ч 05 мин.

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (продолжение) (A/73/10)

1. **Председатель** предлагает Комитету продолжить рассмотрение глав VI, VII и VIII доклада Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (A/73/10).

2. **Г-жа Теталиан** (Греция), касаясь темы «Временное применение договоров», говорит, что принятие свода проектов руководящих положений, озаглавленного «Руководство по временному применению договоров», а также проектов типовых положений, предложенных Специальным докладчиком в его пятом докладе (A/CN.4/718), стало важным шагом на пути уточнения соответствующих норм, относящихся к данной теме. Делегация Греции приветствует подход, изложенный в общем комментарии к проекту Руководства, который следует рассматривать в совокупности с проектом руководящего положения 2 («Цель»). Важно, чтобы Комиссия с самого начала ясно дала понять, что намеревается выработать руководящие установки, соотносящиеся с действующими нормами, включая те из них, которые закреплены в статье 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, при этом подтвердив добровольный и гибкий характер временного применения договоров, а также необходимость учитывать ограничения, вытекающие из внутреннего законодательства государств.

3. Включение проектов типовых положений в приложение к Руководству позволит оказать дополнительное содействие тем государствам, которые занимаются разработкой и согласованием договоров. Для того, чтобы сделать типовые положения более удобными в пользовании, было бы полезно указать, может ли то или иное положение применяться в отношении двусторонних договоров, многосторонних договоров или же обоих этих типов договоров.

4. Переходя к обсуждению темы «Императивные нормы общего международного права (jus cogens)», оратор дает высокую оценку тому прагматичному и комплексному подходу, который Специальному докладчику удалось применить при подготовке его третьего доклада (A/CN.4/714 и A/CN.4/714/Corr.1), не взирая на ограниченность соответствующей государственной практики.

5. Что касается новых проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком в его докладе, то, по мнению делегации Греции, как пункт 3 проекта вывода 10 («Недействительность договора,

противоречащего императивной норме общего международного права (jus cogens)»), так и пункт 2 проекта вывода 17 («Последствия императивных норм общего международного права (jus cogens) для обязательных резолюций международных организаций»), касаются принципа, в соответствии с которым толкование международно-правовых норм должно в максимально возможной степени осуществляться таким образом, чтобы они соответствовали jus cogens. С точки зрения делегации Греции это правило также применимо к толкованию норм обычного международного права. Поэтому она заявляет о своем полном согласии с выдвинутым в ходе рассмотрения данной темы Комиссией и поддержанным Специальным докладчиком предложением о том, чтобы эти два пункта были объединены в один проект вывода, относящийся ко всем источникам международного права.

6. Предложенные Специальным докладчиком тексты пункта 2 проекта вывода 10, а также проекта вывода 12 («Устранение последствий любых деяний, совершенных на основании недействительного договора»), в своей совокупности воспроизводят большинство положений статьи 71 Венской конвенции. Вместе с тем пункт 1 b) статьи 71 в проектах выводов не отражен, хотя он и предусматривает важное позитивное обязательство государств приводить свои взаимоотношения в соответствие с императивной нормой общего международного права в тех случаях, когда тот или иной договор является недействительным в силу того, что противоречит этой императивной норме. Поэтому делегация оратора приветствует решение Редакционного комитета внести поправки в проект вывода 12 в тексте проектов выводов, принятых им в предварительном порядке на его семидесятой сессии, путем отражения в нем положений пункта 1 b) статьи 71.

7. Вновь ссылаясь на проекты выводов, принятые Редакционным комитетом в предварительном порядке, оратор отмечает, что, как подчеркнул в своем устном докладе от 26 июля 2018 года Председатель Редакционного комитета, проект вывода 14 («Процедурные требования») носит рекомендательный характер. Вместе с тем делегация Греции не убеждена в том, что использование в его тексте таких слов, как «следует» и «надлежит», четко передает эту идею. Аналогичным образом, формулировка «не может», использованная в пункте 4, является неподходящей для текста, не имеющего обязывающего характера. Кроме того, в своем нынешнем виде данный проект вывода может применяться исключительно в отношении договоров между государствами, хотя и предполагается, что он будет также распространяться на

ситуации, связанные с обязательными резолюциями международных организаций. В данной связи следует иметь в виду, что процедуры урегулирования споров, предусмотренные в статье 66 Венской конвенции 1969 года, значительно отличаются от процедур, предусмотренных в статье 66 Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями.

8. Касаясь проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком в его третьем докладе, оратор говорит, что положения пункта 1 проекта вывода 15 («Последствия императивных норм международного права (*jus cogens*) для обычного международного права») не должны применяться в том случае, если соответствующая норма обычного международного права также является нормой *jus cogens*. Делегация Греции не оспаривает содержащееся в проекте вывода 17 положение, согласно которому резолюции Совета Безопасности, равно как и резолюции других международных организаций, не могут противоречить императивным нормам общего международного права (*jus cogens*), но при этом хотела бы предостеречь Комиссию от того, чтобы текст проекта вывода или комментария создавал у читателя такое впечатление, что Совет Безопасности является организацией, в наибольшей степени склонной к попыткам пренебречь императивными нормами международного права.

9. Понятие так называемых «региональных императивных норм общего международного права» в корне противоречит самой концепции императивных норм общего международного права, которые по определению являются универсальными. Императивные нормы общего международного права являются отражением основополагающих ценностей международного сообщества; в соответствии со статьей 53 Венской конвенции 1969 года они принимаются и признаются международным сообществом государств в целом.

10. Что касается темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», то делегация Греции высоко оценивает углубленный анализ, содержащийся в первом докладе нового Специального докладчика (A/CN.4/720 и A/CN.4/720/Corr.1). Касаясь проектов принципов, принятых Редакционным комитетом в предварительном порядке (A/CN.4/L.911), оратор указывает, что в основу проекта принципа 19 («Общие обязательства оккупирующей державы»), как представляется, легли соответствующие стандарты в области прав человека, а также общие принципы международного экологического права. Так, например, обязательство

оккупирующей державы соблюдать целостность и обеспечивать защиту окружающей среды оккупированной территории, а также не допускать нанесения значительного ущерба окружающей среде оккупированной территории, тесно перекликается с широко признанным обязательством оккупирующей державы обеспечивать общественную жизнь и поддерживать общественный порядок на оккупированной территории, поскольку защита окружающей среды в настоящее время превратилась в одну из основных функций органов государственной власти. Делегация Греции приветствует решение Редакционного комитета удалить упоминание о морских районах, прилегающих к оккупированной территории, из предложенного Специальным докладчиком текста проекта принципа 19. Специальный докладчик исходил из того, что ответственность оккупирующей державы распространяется и на морские районы, тогда как в действительности вопрос о том, находится ли эффективный контроль над такими районами в руках оккупирующей державы или же государства территориальной юрисдикции, должен решаться на индивидуальной основе.

11. Переходя к проекту принципа 20 («Устойчивое использование природных ресурсов»), оратор говорит, что требование, касающееся устойчивого использования, применимо в отношении использования любых природных ресурсов вне зависимости от того, расположены ли они на оккупированных территориях. Вместе с тем сложный вопрос о возможности и масштабах использования природных ресурсов оккупирующей державой выходит за рамки проблемы обеспечения устойчивости, вследствие чего охватить его полностью в рамках одного положения будет затруднительно. В данной связи Комиссии следует принять во внимание не только статью 55 Гаагской конвенции (IV) 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, в которой излагается так называемое право пользования, но и статью 47 указанной Конвенции, а также статью 33 Женевской конвенции 1949 года о защите гражданского населения во время войны, которые запрещают грабеж. Основываясь на положениях этих двух статей, Международный Суд в своем решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)» пришел к выводу о том, что разграбление, расхищение и эксплуатация природных ресурсов на территории Демократической Республики Конго участниками вооруженных сил одного из соседних государств представляют собой нарушение норм права войны. Таким образом, если проект принципа 20 будет сохранен в нынешнем виде, в комментарии следует оговорить условия, при которых запрет на грабеж может

сделать незаконной эксплуатацию природных ресурсов оккупированной территории. В комментарии также должны быть определены ситуации, при которых эксплуатация природных ресурсов не является грабежом, но тем не менее считается незаконной с точки зрения права вооруженных конфликтов, поскольку нарушает правило пользования.

12. Кроме того, как представляется, проект принципа 20 подразумевает, что допустимость распоряжения природными ресурсами оккупированной территории и их использования регламентируется исключительно нормами права вооруженных конфликтов; в данной связи следует принимать во внимание и другие соответствующие принципы международного права, включая принцип суверенитета государства территориальной юрисдикции над его природными ресурсами, а также принцип самоопределения. В тексте также не отражено обязательство государств не признавать незаконные ситуации, в том числе посредством отказа от участия в экономических отношениях, которые могут способствовать увековечению таких ситуаций; такое обязательство становится актуальным в ситуациях, связанных с эксплуатацией природных ресурсов незаконно оккупированных территорий в целях их экспорта. Таким образом, текст проекта принципа 20 следует пересмотреть, включив в него упоминание о соответствующих принципах общего международного права (возможно, с формулировкой «без ущерба для...»).

13. Касаясь темы «Правопреемство государств в отношении ответственности государств», оратор говорит, что делегация Греции поддерживает общее правило, сформулированное в проекте статьи 6 проектов статей, предложенных Специальным докладчиком в его втором докладе (A/CN.4/719), согласно которому в том случае, если государство-предшественник продолжает существовать, ответственность в принципе не присваивается государству-правопреемнику. Данное правило соответствует лежащему в основе права ответственности государств принципу, который предусматривает, что государство-правонарушитель должно нести ответственность за совершенное им международно-противоправное деяние. Делегация Греции также подтверждает правильность различия между присвоением противоправного деяния государству-предшественнику, о котором говорится в пункте 1, и правовыми последствиями такого присвоения, которые являются предметом пункта 2.

14. В связи с темой, касающейся иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, делегация Греции приветствует анализ ее процессуальных аспектов в шестом

докладе Специального докладчика (A/CN.4/722). Надлежащее исследование процессуальных аспектов иммунитета имеет ключевое значение для проектов статей, предложенных Специальным докладчиком, особенно с учетом ограниченности правоприменительной практики и теоретических разработок по данной теме. Уточнение процессуальных аспектов может обеспечить определенный уровень объективности и четкости, а также способствовать снижению риска политически мотивированных и злонамеренных действий, связанных с судебным преследованием. Поэтому делегация Греции поддерживает высказанное в докладе мнение о том, что подход к анализу процессуальных аспектов вопроса об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции должен быть широким и комплексным. Важно провести четкое различие между процессуальными правилами, которые применимы ко всем случаям, связанным с иммунитетом должностных лиц государства, и процессуальными гарантиями, которые должны применяться в тех случаях, когда речь идет об изъятиях из правила иммунитета.

15. Что касается главы II («Концепция юрисдикции и процессуальные аспекты») доклада Специального докладчика, то с учетом большого количества и разнообразия существующих национальных законов и процедур для целей проектов статей не требуется давать определение термина «уголовная юрисдикция». Для надлежащего исследования стоящих вопросов будет достаточно функционального подхода, основанного на соответствующих критериях. Кроме того, в той степени, в которой этого требуют различия предметного и нормативного характера, необходимо разделять иммунитет *ratione personae* и иммунитет *ratione materiae*. Что касается действий властей государства расположения суда, интересы которого затрагиваются иммунитетом, то, по мнению делегации Греции, вопросы, связанные с рассмотрением вопроса об иммунитете на стадии проведения расследования, привлечением иностранного должностного лица в качестве свидетеля и мер предосторожности, требуют дальнейшего анализа и уточнения.

16. У Греции есть сомнения в целесообразности изучения тех последствий, которые может иметь обязательство сотрудничать с международным уголовным судом для иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции и связанных с этим процедур. С учетом содержания проекта статьи 1 («Сфера применения настоящих проектов статей»), разнообразия существующих международных уголовных трибуналов, а также того факта, что соответствующие обязательства

государств и процессуальные аспекты подобного рода дел регламентируются прежде всего статутами таких трибуналов, можно считать, что данный вопрос выходит за рамки обсуждаемой темы. Делегация Греции предлагает Комиссии продолжить изучение процессуальных аспектов вопроса об иммунитете, а также предпринять шаги в целях преодоления разногласий в отношении проекта статьи 7 («Преступления по международному праву, в отношении которых иммунитет *ratione materiae* не применяется») посредством выработки общеприемлемого и сбалансированного текста, отражающего все соответствующие интересы международного сообщества.

17. Более подробные комментарии, отражающие позицию делегации Греции по некоторым из выше-названных тем, содержатся в письменном заявлении оратора, с которым можно ознакомиться на портале ЭКУБ.

18. **Г-н Липпве** (Микронезия), обращаясь в начале своего выступления к теме «Охрана атмосферы», говорит, что его делегация, как и прежде, глубоко обеспокоена жесткими ограничениями Комиссии в отношении работы Специального докладчика. Ограничения в отношении масштабов работы Комиссии должны вводиться исключительно в целях обеспечения ее выполнимости и полезности, а не по соображениям политического характера, и не должны негативно сказываться на потенциальной ценности результатов этой работы с точки зрения международного сообщества.

19. Говоря о проектах руководящих положений по данной теме, принятых в первом чтении, оратор указывает на неоспоримость того факта, что государства несут ответственность по международному праву за любые случаи неисполнения какого-либо из своих международных обязательств. Специальный докладчик признал этот факт в составленном им первоначальном тексте соответствующего проекта положения, указав, что такая ответственность возникает лишь в тех случаях, когда речь идет о действиях или бездействии государств, а ущерб или риск могут быть подтверждены при помощи четких и убедительных доказательств. Тот факт, что упоминание об ответственности государств было удалено из текста проекта положения, принятого Комиссией в первом чтении, вызывает разочарование. Содержащееся в пункте 7 комментария к проекту руководящего положения 10 заявление о том, что статьи 2001 года об ответственности государств за международно-противоправные деяния распространяются также и на природоохранные обязательства, включая охрану атмосферы от атмосферного загрязнения и

атмосферной деградации, подтверждает одну из основополагающих норм международного права и может быть включено в соответствующий проект руководящего положения без ущерба для сбалансированности текста.

20. Вызывает сожаление и тот факт, что Комиссия не сохранила в тексте упоминание об ущербе, которое содержалось в первоначально предложенном Специальным докладчиком тексте проекта. Предложенная Специальным докладчиком увязка ущерба с установлением ответственности государства помогла бы прояснить вопрос о том, что можно считать международно-противоправным действием или бездействием, влекущим за собой ответственность государств в связи с вопросом об охране атмосферы. Хотя у Микронезии и имеются сомнения в отношении упоминания о «четких и убедительных доказательствах», которое содержится в предложении Специального докладчика, она высоко оценивает его попытку обсудить и определить соответствующий стандарт.

21. Делегация Микронезии в целом удовлетворена текстом проекта руководящего положения 11 («Соблюдение») и комментария к нему, касающегося применения стимулирующих или правоприменительных процедур с целью обеспечить выполнение государствами их обязательств. Она особенно высоко оценивает упоминание о необходимости учитывать возможности и особые условия государств. Микронезия, которая входит в число малых островных развивающихся государств, является участницей многочисленных многосторонних соглашений соответствующего профиля и предпринимает максимум усилий с целью внести вклад в дело охраны атмосферы, но при этом ее успех будет в значительной степени зависеть от мер по наращиванию потенциала и других форм технической, программной и финансовой помощи. Делегация Микронезии удовлетворена тем, что положение таких стран, как Микронезия, находит признание в рамках международно-правового режима охраны атмосферы.

22. Делегация Микронезии поддерживает поправки к предложенному Специальным докладчиком тексту проекта руководящего положения 12 («Разрешение споров»), которые нашли свое отражение в тексте, принятом Комиссией. Первоначальное предложение носило слишком ограничительный характер, поскольку не учитывало важную роль традиционных знаний коренных народов и местных общин в разрешении споров, связанных с различными ситуациями национального и регионального уровня, включая, в частности, споры по вопросам природоохранного характера. Общеизвестно, что коренные

народы и местные общины по всему миру имеют тесные и давние связи с населяемой ими природной средой, а также располагают глубокими знаниями о ней, и что их традиционные знания имеют полезное значение для понимания природных явлений. Важная роль таких традиционных знаний была признана в рамках многочисленных природоохранных соглашений и процессов, включая Конвенцию о биологическом разнообразии, Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии, а также Парижское соглашение, принятое в контексте Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Хотя упоминание о «технических и научных экспертах» в проекте руководящего положения 12 является достаточно широким для того, чтобы охватить и экспертов, располагающих традиционными знаниями, делегация Микронезии призывает Комиссию конкретно признать актуальность традиционных знаний либо в соответствующем проекте руководящего положения, либо в комментарии к нему.

23. **Г-н Тоне** (Тонга) говорит, что, поскольку атмосфера представляет собой общий ресурс, которым пользуется все человечество, государства несут обязательство *erga omnes* обеспечивать ее охрану от деградации в результате действий человека, что находит свое отражение в проектах руководящих положений 3 («Обязательство по охране атмосферы»), 5 («Устойчивое использование атмосферы»), 6 («Справедливое и разумное использование атмосферы») и 7 («Намеренное крупномасштабное изменение атмосферы») проектов руководящих положений, принятых Комиссией в первом чтении. В данном контексте был сформирован комплекс взаимосвязанных обязательств с целью обеспечить сохранение и устойчивое использование атмосферы, однако фрагментированный характер рамок и режимов, регламентирующих различные вопросы, вещества и виды деятельности, затрудняют соблюдение государствами этих обязательств.

24. Делегация Тонга полностью поддерживает проекты руководящих положений 10 («Имплементация»), 11 («Соблюдение») и 12 («Разрешение споров»), которые касаются наиболее важных аспектов комплекса правовых норм, относящихся к атмосфере. Они представляют собой объективное и логичное развитие обязательств и рекомендаций, содержащихся в проектах руководящих положений, которые были приняты Комиссией в предварительном порядке на предыдущих сессиях.

25. Что касается проекта руководящего положения 11, то делегация Тонга поддерживает предложенное Специальным докладчиком определение понятия «соблюдение» как относящегося к международно-правовым механизмам или процедурам, имеющим целью установить, действительно ли государства соблюдают положения того или иного договора, а также придерживаются предусмотренных ими мер по имплементации. Как указывается в пункте 1 комментария к данному проекту руководящего положения, то значение, которое вкладывается в понятие «соблюдение» в различных соглашениях и соответствующей литературе, не обязательно является единообразным. Малые островные развивающиеся государства сталкиваются с проблемами в обеспечении соблюдения, в том числе на более длительных отрезках времени, по причине нехватки возможностей и ресурсов. Предусмотрев в пункте 2 проекта руководящего положения 11 выбор между стимулирующими и правоприменительными процедурами, Комиссия поступила правильно, поскольку это открыло возможность для различного отношения к государствам, которые хотели бы обеспечивать соблюдение соответствующих положений, но не имеют такой возможности, и государствам, которые отказываются соблюдать их, хотя и располагают необходимыми для этого возможностями и ресурсами.

26. В дополнение к проблеме нехватки возможностей, о которой говорится в пункте 4 комментария, развивающиеся и наименее развитые страны также сталкиваются с проблемой ограниченности доступа к механизмам финансирования, а также к другим средствам финансовой поддержки. Делегация Тонга хотела бы подчеркнуть важное значение международного сотрудничества, о котором говорится в проекте руководящего положения 8 («Международное сотрудничество»), в предоставлении развивающимся странам, и особенно малым островным развивающимся государствам, помощи в плане наращивания потенциала, а также обеспечении им стабильного доступа к адекватным финансовым ресурсам. Проекты руководящих положений и комментарии к ним могут послужить в качестве полезных ориентиров, которые можно было бы принимать во внимание в контексте доработки программы деятельности в рамках реализации Парижского соглашения.

27. Делегация оратора поддерживает проект руководящего положения 12, касающийся разрешения споров, и в особенности пункт 2, касающийся необходимости задействования в рамках процессов разрешения споров, в зависимости от обстоятельств, как технических, так и научных экспертов, с целью обеспечить принятие соответствующими судебными

органами взвешенных решений при разрешении споров.

28. Охрана атмосферы связана с состоянием земных и водных экосистем. В своем недавнем специальном докладе, посвященном глобальному потеплению на 1,5 градуса Цельсия, Межправительственная группа экспертов по изменению климата указала, что темпы глобального потепления, вероятно, ускорятся и что последствия потепления, происшедшего в результате антропогенных выбросов за период после окончания доиндустриальной эпохи и до наших дней, будут ощущаться в течение столетий или даже тысячелетий, продолжая вызывать дальнейшие долгосрочные изменения климатической системы. Несмотря на то, что глобальное потепление на 1,5 градуса Цельсия не произойдет лишь по причине выбросов, усилия по охране атмосферы могли бы стать частью комплекса профилактических мер, которые будут способствовать смягчению кумулятивных последствий глобального потепления, включая, в частности, повышение уровня моря, обессоливание морской воды, обесцвечивание кораллов и закисление океана. Таким образом, проекты руководящих положений могут стать полезными ориентирами для государств в том, что касается принятия мер в связи с последствиями изменения климата.

29. Делегация оратора дает высокую оценку действиям Комиссии в связи с ощутимым прогрессом, которого ей удалось добиться в работе по темам «Охрана атмосферы», «Временное применение договоров» и «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)», и настоятельно призывает все государства активизировать взаимодействие и сотрудничество в деле прогрессивного развития и кодификации международного права.

30. **Г-н Куэльяр Торрес** (Колумбия), касаясь темы «Охрана атмосферы», говорит, что работа, проделанная Специальным докладчиком, заслуживает высокой оценки, несмотря на те ограничения, в рамках которых ему пришлось вести свою деятельность. Деградация атмосферы, которая является наиболее крупным по своим размерам глобальным природным ресурсом, вызывает крайнюю обеспокоенность. Несмотря на то, что некоторые аспекты ситуации, связанной с атмосферой, регулируются рядом конвенций, комплексные правовые рамки, которые регламентировали бы эту ситуацию в качестве отдельной темы, отсутствуют. Поэтому делегация Колумбии с удовлетворением отмечает, что в 2013 году Комиссия приняла решение заняться рассмотрением данной темы, что стало первой попыткой определить действующие нормы на основе государственной практики в этой области. Вместе с тем наличие

ограничений в том, что касается масштабов проводимой работы, вызывает разочарование; речь идет о том, что вопросы, касающиеся ответственности государств, общих, но при этом дифференцированных обязательств, принципа материальной ответственности источника загрязнения, принципа предосторожности, а также передачи средств и технологии, включая интеллектуальную собственность, развивающимся странам, были выведены за рамки рассматриваемой темы. Тот факт, что работа Комиссии не затрагивает такие вещества, как сажистый углерод, тропосферный озон и другие вещества двойного действия, также вызывает сожаление. Сажистый углерод, который ежегодно становится причиной преждевременной смерти 3,2 миллиона человек, вне всякого сомнения, не следовало бы выводить за рамки изучаемой темы.

31. Кроме того, следует отметить, что международный режим охраны атмосферы, который регламентирует различные виды использования атмосферы, а также разнообразные вещества, связываемые с различными рисками для здоровья, безопасности и окружающей среды, является сложным и неупорядоченным. Не следовало так сильно ограничивать работу Комиссии над такой необъятной темой. Договоренность, касающаяся включения данной темы в программу работы Комиссии, которая была достигнута рядом государств и Специальным докладчиком в 2013 году, ставит под угрозу будущую эффективность проводимой работы; делегация Колумбии надеется на то, что во втором чтении Комиссия исключит из текста любые ссылки на эту договоренность.

32. Колумбия поддерживает принцип сотрудничества, в связи с чем она, как и Специальный докладчик, предпочитает механизмы обеспечения соблюдения взятых обязательств, построенные на сотрудничестве, методам, в основе которых лежат штрафные или правоприменительные меры, связанные с ответственностью государств и предусматривающие наказание тех государств, которые не выполняют свои обязательства.

33. Переходя к тексту проектов руководящих положений, принятых Комиссией в первом чтении, оратор предлагает заменить содержащиеся в третьем пункте преамбулы слова «насушной озабоченности международного сообщества в целом» словами «общей озабоченности человечества», что соответствовало бы формулировкам Парижского соглашения, а также других соглашений по климату. Аналогичным образом, текст проекта руководящего положения 1 b), в котором дается определение термина «атмосферное загрязнение», должен быть более тесно

увязан с положениями Конвенции 1979 года о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния и Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву путем включения в него слов «и энергии» после слова «веществ». Касаясь вопроса о разрешении споров, выступающий говорит, что для обеспечения надлежащей оценки научных данных, а также применения соответствующих процессуальных правил необходимо принимать во внимание технический характер споров, касающихся окружающей среды. В целом делегация Колумбии приветствует работу, которая была проделана в связи с данной темой, а также принятие проектов руководящих положений.

34. Частичное проведение семидесятой сессии Комиссии в Нью-Йорке создало возможность для организации большого числа внепрограммных мероприятий по темам, относящимся к международному праву, что, в свою очередь, позволило укрепить взаимодействие между Комиссией и Шестым комитетом. Комиссии полезно было бы один раз в пять лет проводить часть своей сессии в Нью-Йорке с должным учетом положений статьи 12 ее статута.

35. Делегация Колумбии приветствует включение в программу работы Комиссии темы «Общие принципы права», а также назначение Специального докладчика по этой теме. Она также с удовлетворением отмечает, что Комиссия постановила включить в свою долгосрочную программу работы темы «Повышение уровня моря и его связь с международным правом» и «Универсальная уголовная юрисдикция», и выражает надежду на то, что эти темы могли бы быть перенесены в ее текущую программу работы. Вместе с тем Комиссии не следует братья за слишком большое количество тем; в противном случае государства будут не в состоянии надлежащим образом отслеживать все направления ее работы.

36. **Г-жа Дирней** (Чили) говорит, что она выступит с сокращенным заявлением; с полной версией ее заявления можно ознакомиться на портале ЭКУБ. Кроме того, делегация Чили представит в установленном порядке свои дополнительные комментарии, поскольку из-за ограниченности времени, прошедшего между публикацией доклада Комиссии и началом ее сессии, она не смогла полностью ознакомиться с работой, проделанной по каждой отдельно взятой теме.

37. Касаясь проектов выводов по теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), предложенных Специальным докладчиком в его третьем докладе ([A/CN.4/714](#) и [A/CN.4/714/Corr.1](#)), оратор указывает на уместность того, что

формулировки пунктов 1 и 2 проекта вывода 10 («Недействительность договора, противоречащего императивной норме общего международного права (*jus cogens*)») в основном воспроизводят соответствующие положения Венской конвенции. Вместе с тем содержащееся в пункте 1 утверждение, согласно которому договор, который в момент его заключения противоречит императивной норме общего международного права (*jus cogens*), не создает каких-либо прав и обязательств, является неверным или, по меньшей мере, нуждается в уточнении. Как представляется, это утверждение подразумевает, что такой договор является недействительным *ipso facto*, тогда как в реальности недействительный договор может создавать права и обязательства до того момента, когда он будет объявлен недействительным в соответствии с процедурами, предусмотренными в статье 65 и последующих статьях Венской конвенции.

38. Кроме того, в соответствии со статьей 71 Венской конвенции ретроактивный эффект такой недействительности распространяется лишь на действия, совершенные на основании конкретных положений, противоречащих соответствующей императивной норме общего международного права; правовые ситуации, являющиеся результатом осуществления тех положений договора, которые не противоречат императивной норме общего международного права, при этом не затрагиваются. Вместе с тем из текста пункта 5 статьи 65 Венской конвенции со всей очевидностью вытекает, что права и обязательства, предусмотренные недействительным договором, который еще не объявлен недействительным или не признан сторонами в качестве такового, не являются обязывающими; данный принцип находит свое отражение в отношении к недействительным правовым актам в рамках различных правовых систем. Подводя черту, можно указать, что, хотя положения недействительного договора не являются обязывающими, та или иная правовая ситуация, возникшая в результате осуществления некоторых из этих положений, может сохраняться и после объявления договора недействительным при том условии, что эта ситуация не противоречит императивной норме общего международного права. Таким образом, наиболее уместной формулировкой второго предложения пункта 1 проекта вывода 10 является следующая формулировка, предложенная Редакционным комитетом в его устном промежуточном докладе от 26 июля 2018 года: «Положения такого договора не имеют юридической силы».

39. Как представляется, положения пункта 2 проекта вывода 10 также указывают на то, что действие

договора прекращается в силу самого факта появления новой императивной нормы общего международного права, которому он противоречит. Такое утверждение не может считаться верным по двум причинам. Во-первых, статьи 65–68 Венской конвенции предусматривают, что для того, чтобы действие такого договора было прекращено, стороне, желающей сослаться на основание для прекращения его действия, необходимо соблюсти ряд процедур. В качестве следующего шага после объявления о прекращении действия договора, противоречащего новой императивной норме общего международного права, необходимо определить последствия такого прекращения. Эти последствия регламентируются положениями пункта 2 b) статьи 71 Конвенции, который предусматривает, что прекращение договора «не влияет на права, обязательства или юридическое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения», если только сохранение таких прав и обязательств или такого положения не будет противоречить новой императивной норме общего международного права. Во-вторых, прекращение действия договора *ipso facto* также приводит к возникновению проблем практического характера, подрывая процедурные гарантии, касающиеся прекращения действия договоров, и создавая правовую неопределенность в отношении того, в какой именно момент договор прекращает свое действие. Кроме того, согласно пункту 3 статьи 65 Венской конвенции за сторонами сохраняется право добиваться урегулирования любых споров в отношении недействительности договора, на которые распространяется действие статей 53 или 64 Конвенции, с помощью средств, указанных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций.

40. Переходя к обсуждению предложения Специального докладчика в отношении проекта вывода 14 («Рекомендованный порядок урегулирования споров, связанных с коллизией между договором и императивной нормой общего международного права (*jus cogens*)»), оратор указывает, что положения пункта 1, который предусматривает, что споры следует передавать в Международный Суд, если только стороны не соглашаются передать спор на арбитраж, принимают во внимание лишь статью 66 а) Венской конвенции, но при этом не отражают положения пункта 3 статьи 65. Согласно Венской конвенции передача спора в Международный Суд должна осуществляться лишь в крайних случаях. В проектах выводов должна сохраняться предусмотренная Конвенцией свобода выбора средств урегулирования споров.

41. Касаясь шестого доклада Специального докладчика по вопросу об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции (A/CN.4/722), оратор говорит, что ее делегация разделяет мнение Специального докладчика в отношении того, что с учетом сложного характера данного вопроса подход к анализу процессуальных аспектов иммунитета должен быть широким. В ходе обсуждения данной темы выявилась необходимость урегулирования противоречия между принципом суверенного равенства государств и неприятием безнаказанности за совершение самых тяжких преступлений на уровне международного сообщества. Делегация оратора не согласна с мнением, согласно которому принципы иммунитета *ratione personae* и иммунитета *ratione materiae* должны применяться без каких-либо различий или ограничений. По собственному признанию Специального докладчика, несмотря на то, что имеется некоторое количество судебных решений, не признающих исключений из этих иммунитетов, в современном международном праве наблюдается тенденция к ограничению иммунитета конкретных должностных лиц государств, совершивших международные преступления, включая преступления против человечности, геноцид и пытки. Результаты работы Комиссии по данной теме должны отражать указанную тенденцию, устанавливая четкие ограничения и исключения в отношении иммунитета *ratione materiae*. Рассмотрение Комиссией этой темы открывает возможность для того, чтобы внести ясность в деликатные вопросы, связанные с распространением иностранной уголовной юрисдикции на должностных лиц государств, включая, в частности, недопущение политизации и злоупотреблений, а также добиться того, чтобы иммунитет не приводил к негативным последствиям для усилий по борьбе с безнаказанностью.

42. **Г-жа де Вет** (Южная Африка), касаясь темы «Охрана атмосферы», говорит, что ее делегация приветствует новые проекты руководящих положений, касающиеся имплементации (проект руководящего положения 10), соблюдения (проект руководящего положения 11) и разрешения споров (проект руководящего положения 12), которые были предложены Специальным докладчиком и включены в число 12 проектов руководящих положений, принятых Комиссией в первом чтении. Южная Африка представит свои замечания по проектам руководящих положений в целом в установленные Комиссией сроки, а именно до 15 декабря 2019 года.

43. Переходя к теме, касающейся императивных норм общего международного права (*jus cogens*), оратор говорит, что ее делегация высоко оценивает

подготовленный Специальным докладчиком всеобъемлющий и широкий по своему охвату третий доклад (A/CN.4/714 и A/CN.4/714/Corr.1), который внесет ощутимый вклад в достижение общего понимания *jus cogens*. Делегация Южной Африки призывает Комиссию согласиться с мнением Специального докладчика, согласно которому ненарушение является следствием, а не критерием императивного характера той или иной нормы общего международного права. Несмотря на то, что, как представляется, небольшое число государств придерживается мнения, согласно которому ненарушение представляет собой критерий, позволяющий отнести ту или иную норму общего международного права к числу императивных, делегация Южной Африки считает, что ненарушение является главным следствием императивности. Именно это следствие является основным отличием императивных норм общего международного права от большинства других норм международного права.

44. Что касается вопроса о недействительности договоров в тех случаях, когда они вступают в противоречие с императивными нормами общего международного права, то Специальному докладчику удалось должным образом разобраться с нюансами различия между ситуациями, когда договор является недействительным из-за того, что противоречит той или иной императивной норме общего международного права, которая уже существовала на момент заключения этого договора, и ситуациями, когда договор становится недействительным в результате коллизии с императивной нормой общего международного права, которая возникла уже после заключения договора. Делегация Южной Африки поддерживает вывод Специального докладчика о том, что признание договора частично недействительным допустимо во второй, но не в первой из вышеназванных ситуаций. Кроме того, она поддерживает усилия Специального докладчика с целью смягчить далеко идущие последствия объявления договора недействительным и сгладить коллизию между принципом *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться») и недействительностью договоров в результате их противоречия императивным нормам общего международного права при помощи отсылки к общим правилам толкования договоров. Идеальным решением в том случае, если договор вступает в противоречие с императивной нормой общего международного права, является такое толкование договора, которое позволило бы учесть и принцип *jus cogens*, и принцип обязательности исполнения договоров.

45. Работа, проделанная Комиссией по таким темам, как последствия *jus cogens* для права

ответственности государств, взаимосвязь между *jus cogens* и обязательствами *erga omnes*, а также последствия *jus cogens* для уголовной ответственности, юрисдикции международных судов, обычного международного права и резолюций Совета Безопасности, является исключительно информативной и поможет всем государствам правильно ориентироваться в отрасли права, которая на практике оказалась более сложной, нежели ожидалось. Южная Африка принимает к сведению комментарии Специального докладчика в отношении иммунитетов применительно к *jus cogens* и будет с особым интересом следить за ходом будущей работы по данному вопросу, особенно в тех ее аспектах, которые имеют отношение к Международному уголовному суду. По всей вероятности, работа Комиссии поможет международному сообществу в решении вопроса об иммунитете от привлечения к ответственности за некоторые из наиболее серьезных международных преступлений.

46. По мнению Южной Африки, иллюстративный перечень императивных норм общего международного права быстро устареет и не поможет юристам в определении того, являются ли те или иные конкретные нормы императивными или нет. Тем не менее она поддержит составление такого списка в том случае, если будет со всей ясностью указано, что он не является исчерпывающим и не предопределяет решения по проектам выводов, предложенным Специальным докладчиком. Концепцию «региональных императивных норм общего международного права» не следует поддерживать или рассматривать, поскольку она подорвет первичный и универсальный характер норм *jus cogens* как императивных норм, в равной степени относящихся ко всем государствам, вне зависимости от того, в каком именно регионе они расположены. Более подробные комментарии, отражающие позицию делегации Южной Африки по ряду вышеназванных тем, содержатся в письменном заявлении оратора, с которым можно ознакомиться на портале ЭКУБ.

47. **Г-н Хайме Кальдерон** (Сальвадор), касаясь проектов руководящих положений об охране атмосферы, которые были приняты Комиссией в первом чтении говорит, что его делегация приветствует проект руководящего положения 9 («Взаимосвязь между соответствующими нормами») и преамбулу, которые отражают основные тезисы комментариев, представленных государствами. Вместе с тем у нее имеются оговорки в отношении ряда других проектов руководящих положений.

48. Проект руководящего положения 8 («Международное сотрудничество») является несколько

ограниченным по сфере своего охвата: он относится исключительно к сотрудничеству между государствами и международными организациями, в то время как есть и другие структуры, которые вносят активный и важный вклад в изучение проблематики загрязнения атмосферы. Этот вопрос также должен быть проанализирован в комментарии. Число форм сотрудничества, предусмотренных в проекте руководящего положения, также является весьма ограниченным. В дополнение к проведению исследований и обмену информацией такое сотрудничество также должно включать в себя дальнейшие меры в целях предотвращения, уменьшения масштабов и сдерживания действий, приводящих к загрязнению и деградации атмосферы.

49. Различные государства предоставили информацию об имеющихся в их распоряжении на национальном уровне механизмах выполнения их международных обязательств в области охраны атмосферы; данный вопрос освещается в проекте руководящего положения 10 («Имплементация»). Со своей стороны, Сальвадор сформировал всеобъемлющие правовые рамки, которые обеспечивают охрану окружающей среды, включая и атмосферу, а его национальные суды выносили решения относительно применения важных принципов международного экологического права, в том числе принципа превентивности.

50. Что касается проекта руководящего положения 11 («Соблюдение»), то в процессе переработки проекта руководящего положения, предложенного Специальным докладчиком в его пятом докладе, Комиссия, к сожалению, исключила из текста пункта 1 слово «эффективно». Поскольку международные обязательства по охране окружающей среды и атмосферы касаются явлений глобального порядка и вследствие этого подлежат универсальному соблюдению, было бы уместно указать, что государства обязаны выполнять их «эффективно». Что касается формулировки «когда это уместно» в пункте 2, то в комментарии Комиссии следует указать на полезность применения критерия пропорциональности при определении того, является ли более уместным в том или ном конкретном случае применение стимулирующих или же правоприменительных процедур.

51. Делегация Сальвадора хотела бы вновь указать на необходимость более качественного перевода проектов руководящих положений на испанский язык. Так, в частности, в проекте руководящего положения 1 слова “by humans” в английском тексте следовало бы перевести на испанский язык словами “por los seres humanos”, а не словами “por el hombre”.

52. Что касается темы «Временное применение договоров», то делегация Сальвадора приветствует принятие в первом чтении проектов руководящих положений в качестве проекта «руководства по временному применению договоров». Проекты руководящих положений в целом обеспечивают выполнение поставленной задачи, заключающейся в прогрессивном развитии международного права. Вместе с тем после слов «или если это было согласовано каким-либо иным образом» в тексте проекта руководящего положения 3 («Общее правило») следовало бы более четко установить нормативную взаимосвязь между этим проектом руководящего положения и проектом руководящего положения 4. Кроме того, в комментарии к проекту руководящего положения 4 Комиссии следует конкретно указать на роль депозитария договора применительно к документу, содержащему соглашение о временном применении, которое было согласовано при помощи «других средств или механизмов», упоминаемых в этом проекте руководящего положения.

53. Что касается проекта руководящего положения 7 («Оговорки»), то делегация Сальвадора считает целесообразным сформировать конкретные правовые рамки, регламентирующие вопрос оговорок в контексте временного применения договоров, и приветствует ссылку на статью 19 Венской конвенции в комментарии к этому проекту руководящего положения. Для того, чтобы внести большую ясность в соответствующие правила, а также привести текст проекта руководящего положения 7 в соответствие с руководящим положением 2.1.7 Руководства по практике в отношении оговорок к международным договорам, Комиссии следует также указать на возможные последствия направления оговорок депозитарию договора. В данной связи необходимо четко заявить о том, что, если договор содержит конкретный запрет на оговорки, такой запрет следует распространять и на временное применение договора. В данной связи депозитарий сможет провести правовую оценку и определить, является ли то или иное заявление стороны договора оговоркой в отношении его временного применения, направив соответствующее уведомление другим сторонам договора.

54. Касаясь темы «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)», а также обсуждения вопроса о том, является ли нарушение той или иной нормы общего международного права критерием ее императивности или же ее правовым последствием, оратор говорит, что его делегация присоединяется к предложению о проведении исследования истории переговоров, связанных с согласованием текстов статей 53 и 66, а также других

соответствующих положений Венской конвенции 1969 года и Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями. В данной связи следует иметь в виду, что, как указала Комиссия в 1966 году, та или иная общепринятая норма международного права может приобрести статус императивной нормы общего международного права не в силу своей формы, а в силу особого характера того предмета, которого оно касается. Кроме того, согласно статье 53 Венской конвенции 1969 года нормы, коллизия с которыми может повлечь за собой недействительность договора, принимаются и признаются международным сообществом государств в целом. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что ненарушение той или иной императивной нормы общего международного права является правовым следствием императивности норм *jus cogens*. Таким образом, по мнению делегации Сальвадора, гораздо уместнее было бы рассмотреть данный вопрос в рамках проекта вывода 10 («Недействительность договора, противоречащего императивной норме международного права (*jus cogens*)»).

55. В текст пункта 1 проекта вывода 15 («Последствия императивных норм общего международного права (*jus cogens*) для обычного международного права») следует включить формулировку «не имеющая характера *jus cogens*», с тем чтобы подчеркнуть тот факт, что, если соответствующая норма обычного международного права не пользуется широким признанием международного сообщества в целом, она не может возникнуть, если она противоречит императивной норме общего международного права.

56. Что касается предложения некоторых членов Комиссии выработать процедуры установления недействительности той или иной нормы международного права по причине ее коллизии с императивными нормами общего международного права, то в данной связи следует принимать во внимание правовой характер такой нормы; речь может идти не о норме, установленной договором, а о норме обычного международного права. В том случае, если Комиссия предпримет попытку выработать процедуры на основе положений статей 53 и 64 Венской конвенции 1969 года, она должна предусмотреть механизм действий в отношении норм, не являющихся договорными нормами.

57. Специальный докладчик поступил правильно, не предложив проект вывода, касающийся общих принципов права. Поскольку в основе этих принципов лежат основополагающие постулаты международного права, в отношении которых существует

широкий консенсус, и поскольку они сами могут являться источником императивных норм общего международного права, трудно представить себе возможную коллизию между общим принципом права и нормой *jus cogens*. Наконец, было бы полезно, если бы Комиссия составила иллюстративный перечень императивных норм общего международного права с учетом замечаний, высказанных государствами.

58. Г-н Эйдельман (Израиль) говорит, что приверженность правительства его страны делу охраны атмосферы находит свое отражение в тех соглашениях, механизмах и договорах, участником которых оно является. Израиль возражает против предложенного Специальным докладчиком комплексного подхода, который предполагает ненужную и неуместную увязку различных правовых режимов; по его мнению, каждый отдельный правовой режим представляет собой *lex specialis*, который должен применяться к соответствующим ситуациям, объединяя различные стандарты и руководящие принципы. В данной связи вызывает сомнения актуальность проекта руководящего положения 9 («Взаимосвязь между соответствующими нормами»), включенного в проекты руководящих положений, которые были приняты Комиссией в первом чтении. Существующие правовые рамки, касающиеся охраны атмосферы, уже включают в себя надлежащие механизмы для решения вопросов, связанных с имплементацией, соблюдением взятых обязательств и разрешением споров. Поэтому проекты руководящих положений по этим вопросам могут привести к возникновению широких возможностей для злоупотреблений. С учетом вышесказанного проекты руководящих положений 10 («Имплементация»), 11 («Соблюдение») и 12 («Разрешение споров») могут оказаться не только ненужными, но и потенциально вредными.

59. Касаясь темы «Временное применение договоров», оратор указывает, что Израиль находится в процессе изучения проектов руководящих принципов, принятых в первом чтении, и оставляет за собой право высказать свои замечания в их отношении на более позднем этапе.

60. Тема императивных норм общего международного права (*jus cogens*) касается отдельной категории международного права, которая обеспечивает защиту наиболее основополагающих правил, принятых международным сообществом государств. Напоминая о том, что в ходе рассмотрения Комиссией данной темы в 2016 году она призвала Специального докладчика принимать во внимание высказанные государствами-членами различные мнения и подходить к этому вопросу с крайней осмотрительностью, оратор заявляет о своей обеспокоенности в

связи с вопросами методологического характера, а также другими аспектами проекта. По мнению делегации Израиля, Специальный докладчик сделал слишком большой упор на теоретические и доктринальные аспекты, а не на соответствующую практику государств, которая и должна была находиться в центре его внимания. Просьба Специального докладчика в отношении того, чтобы проекты руководящих положений, принятые Редакционным комитетом в предварительном порядке, не выносились на пленарное заседание Комиссии до того, как будет окончательно согласован весь проект текста, представляет собой отход от общепринятой практики работы Комиссии и препятствует конструктивному обсуждению проектов руководящих положений и комментариев к ним, включая крайне важную возможность того, чтобы государства высказали свои мнения по существу обсуждаемых вопросов.

61. Израиль считает правильными действия Комиссии, которая предпочла заняться кодификацией существующих правовых норм, а не их прогрессивным развитием. С учетом этого Комиссии следует продолжить свою работу по теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), которая потенциально способна повлечь за собой далеко идущие последствия в том, что касается формулирования и прояснения соответствующих международно-правовых норм в их нынешнем виде, что, в свою очередь, позволит добиться того, что итоги проделанной работы будут восприниматься как заслуживающие доверия и пользоваться широким признанием. Поэтому делегация Израиля возражает против включения в текст проекта вывода 14, который касается рекомендованной процедуры урегулирования споров, связанных с коллизией между договором и императивной нормой общего международного права (*jus cogens*), и не отражает, да и не может отражать существующие правовые нормы в том, что касается *jus cogens*. Этот проект вывода может быть четко классифицирован как предложение, касающееся прогрессивного развития права. Аналогичным образом, проекты выводов 20 («Обязанность сотрудничать») и 21 («Обязанность не признавать и не оказывать содействия»), в целом основывающиеся на статьях об ответственности государств, которые, в свою очередь, не являются отражением норм обычного международного права, представляют собой попытку заявить о таких последствиях нарушения императивных норм общего международного права, которые выходят за рамки задачи *jus cogens*, предусмотренной положениями статьи 53 Венской конвенции 1969 года. Такая точка зрения подтверждается недостаточностью практики, касающейся вопроса о последствиях императивных норм общего

международного права, которую признал сам Специальный докладчик.

62. Израиль также поддерживает принятое в ходе семидесятой сессии Комиссии решение Редакционного комитета снять с рассмотрения положения (включая, в частности, предложенные Специальным докладчиком проекты выводов 22 и 23), касающиеся осуществления внутренней юрисдикции в отношении преступлений, являющихся таковыми согласно императивным нормам общего международного права, а также вопроса об иммунитете *ratione materiae*. Эти положения не отражают существующих норм обычного права и в любом случае выходят за рамки изучаемой темы, которая, как предполагалось, будет посвящена методологическим аспектам соответствующих процессов, а не основополагающим правилам. Несмотря на то, что в предварительном порядке было принято решение учесть эти вопросы в рамках клаузулы, начинающейся со слов «без ущерба для...», которая будет разработана позднее, делегация Израиля считает, что любое упоминание этих вопросов в проектах выводов является неуместным и должно быть полностью исключено. Кроме того, проекты выводов 22 и 23 могут рассматриваться как предопределяющие результаты работы Комиссии по проектам статей, которые касаются иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции.

63. В проектах выводов 2, 3 и 4 Специальный докладчик предпринял попытку дать определение императивной нормы общего международного права; эти проекты следует откорректировать, с тем чтобы учесть строгие критерии определения императивных норм общего международного права, предусмотренные в статье 53 Венской конвенции, а также ограничить возможности для политизации и фрагментации международного права. В частности, они должны отражать требование о том, чтобы соответствующая норма была не только принята (что является достаточным критерием для выявления норм обычного права), но и безоговорочно признана в качестве императивной. Парадоксальным образом, Специальный докладчик предложил для выявления императивных норм такой стандарт, который может быть сочтен менее жестким, нежели стандарт для выявления норм обычного права, что было бы абсолютно неприемлемо. В проекте вывода 7 он также указал, что императивная норма должна быть принята и признана подавляющим большинством государств, а не международным сообществом государств в целом, как это предусмотрено строгими требованиями статьи 53. Действительно, статья 53 предполагает практически всеобщее принятие и

признание нормы — требование, которое, к сожалению, не нашло отражения в проектах выводов в их существующем виде. В данной связи оратор отмечает, что в научной и популярной литературе по данной теме термин «императивная норма общего международного права» иногда используется слишком вольно; его использование в проектах выводов должно быть выверенным, с тем чтобы работа Комиссии отражала существующие нормы права и пользовалась поддержкой.

64. Что касается составления перечня императивных норм общего международного права (как иллюстративного, так и исчерпывающего), то Израиль вновь подтверждает свою позицию, согласно которой такой перечень, по всей вероятности, приведет к возникновению разногласий между государствами и размыванию концепции императивных норм общего международного права (*jus cogens*). Так, например, в своем третьем докладе Специальный докладчик несколько раз указывал, что право на самоопределение имеет характер императивной нормы общего международного права, тогда как соответствие принципа самоопределения стандартам, предусмотренным в статье 53, вызывает большие сомнения. Наконец, в контексте темы, связанной с выявлением обычного международного права, аналогичный перечень не составлялся.

65. **Г-жа Горасия** (Соединенное Королевство), напоминая о том, что правительство ее страны сомневается в необходимости работы Комиссии над темой охраны атмосферы и что существующие международные обязательства в отношении охраны окружающей среды в целом охватывают многие вопросы, связанные с охраной атмосферы, говорит, что, как показала практика, действующие соглашения являются достаточно гибкими для решения новых проблем по мере их возникновения. Ярким примером этого является распространение сферы действия Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, на парниковые газы.

66. Что касается проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, то правительство Соединенного Королевства по-прежнему обеспокоено двусмысленностью формулировок проекта руководящего положения 9, которое касается взаимосвязи между нормами международного права, регламентирующими охрану атмосферы, и другими обязательствами по международному праву. Три новых проекта руководящих положений, принятые в 2018 году, а именно проекты положений 10 («Имплементация»), 11 («Соблюдения») и 12 («Разрешение споров»), не имеют большой ценности, поскольку не затрагивают вопрос о нехватке ресурсов и

политической воли, которая препятствует имплементации, а соблюдение взятых обязательств и без того является долгом государств применительно к тем договорам, в которых они участвуют.

67. Несмотря на имеющиеся у него оговорки в отношении данного проекта в целом, Соединенное Королевство хотело бы подчеркнуть, что оно считает необходимым обеспечивать охрану атмосферы и окружающей среды, а также принимать меры в связи с изменением климата. Никакие аспекты его замечаний по данному аспекту доклада Комиссии не должны восприниматься как ослабляющие его приверженность достижению этих важных целей.

68. Переходя к теме временного применения договоров, оратор говорит, что правительство ее страны приветствует принятие в первом чтении проекта руководящих положений и комментариев, которое даст ему возможность не только представить свои замечания по проекту в целом, но и дополнительно проанализировать типовые положения, предложенные Специальным докладчиком. Кроме того, правительство Соединенного Королевства приветствует включение в текст проектов руководящих положений, касающихся оговорок к договорам, применяемым на временной основе, а также прекращения и приостановки временного применения. Поскольку Комиссия находится лишь на первоначальной стадии рассмотрения вопроса об оговорках в контексте временного применения договоров, изучение практики государств и международных организаций поможет добиться того, что проводимый анализ охватит все аспекты рассматриваемого вопроса.

69. Хотя правительство Соединенного Королевства согласно с текстом проекта руководящего положения 6, оно считает, что Комиссия не совсем ясно выразилась в пункте 5 своего комментария, в котором она указала следующее: «[в]ременное применение договоров продолжает отличаться от их вступления в силу, поскольку оно регулируется не всеми нормами договорного права. Поэтому формула «порождает юридически связывающее обязательство применять договор или его часть, как если бы договор находился в силе» не подразумевает, что временное применение имеет тот же самый эффект, что и вступление договора в силу». Было бы полезно, если бы Комиссия предоставила более подробные разъяснения в отношении того, каким именно образом временное применение договоров регулируется не всеми нормами договорного права, если возможно — с примерами.

70. Оратор приветствует включение в текст проекта руководящего положения 9, касающегося

прекращения и приостановления временного применения, а также тот прагматичный и гибкий подход, который был применен Специальным докладчиком и Комиссией. С учетом тех трудностей, которые возникли в связи с толкованием положений, касающихся временного применения, оратор поддерживает рекомендацию Редакционного комитета в отношении того, чтобы упомянуть в комментариях возможность включения в текст свода проектов типовых положений, основанных на пересмотренном предложении Специального докладчика.

71. Переходя к теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), оратор вновь подтверждает поддержку правительством Соединенного Королевства работы Комиссии по данной теме, которая может иметь практическую ценность для государств, судей и практикующих юристов. С учетом сложности и важности данной темы, а также необходимости добиться поддержки со стороны государств, оратор настоятельно призывает Комиссию и впредь проявлять осмотрительность в подходе к ее рассмотрению.

72. Что касается пяти проектов выводов, которые были приняты Редакционным комитетом в предварительном порядке, то, как отмечает оратор, тексты крайне важных комментариев к ним пока еще не были приняты Комиссией на пленарном заседании. Отметив также пожелание Специального докладчика в отношении того, чтобы Комиссия завершила рассмотрение проектов выводов в первом чтении в ходе своей семьдесят первой сессии, оратор призывает Комиссию не пытаться закончить свою работу по данной теме в сжатые сроки. В третьем докладе Специального докладчика рассматриваются последствия императивных норм общего международного права по отношению к международному уголовному праву, обычному международному праву и резолюциям Совета Безопасности; все эти вопросы вызывают широкие споры в научной литературе, а также неоднозначную реакцию у тех органов правосудия, которые принимают по ним решения.

73. У делегации Соединенного Королевства имеются дополнительные подробные замечания, которые отражают его официальную позицию в отношении проектов выводов; эти замечания содержатся в приложении к письменному заявлению оратора, с которым можно ознакомиться на портале ЭКУБ.

74. *Г-жа Понсе (Филиппины), заместитель Председателя, занимает место Председателя.*

75. **Г-н Орна** (Перу), касаясь проектов руководящих положений по охране атмосферы, принятых в первом чтении, говорит, что упоминание

Специальным докладчиком в преамбуле тесной взаимосвязи между атмосферой и Мировым океаном, которое отражает недавние события в Генеральной Ассамблее, служит подтверждением последствий изменения климата для Мирового океана, а также важного значения углубления научного понимания взаимодействия между атмосферой и морской средой. Делегация Перу высоко оценивает действия Специального докладчика в связи с использованием им выводов, сделанных по итогам первой глобальной комплексной морской оценки (первой оценки состояния Мирового океана). Вместе с тем ему также следует изучить возможность использования материалов доклада о работе Открытого процесса неофициальных консультаций Организации Объединенных Наций по вопросам Мирового океана и морского права на его восемнадцатом совещании (A/72/95).

76. Говоря о проекте руководящего положения 4, оратор указывает, что обязательство государств по обеспечению проведения оценки воздействия на окружающую среду представляет собой прямое обязательство общей ответственности, вытекающее из положений статьи 206 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, а также общее обязательство согласно нормам обычного международного права. В данной связи в дополнение к ссылке на решение Международного Суда по делу «О целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)» Специальному докладчику также следует учесть принятое в 2011 году консультативное заключение Камеры по спорам, касающимся морского дна, Международного трибунала по морскому праву по делу «Ответственность и обязательства государств, являющихся спонсорами лиц и организаций в связи с деятельностью в районе», которое стало реакцией на вышеуказанное решение. В этом консультативном заключении Трибунал указал, что «логика Суда в трансграничном контексте может также применяться в отношении деятельности, которая имеет последствия для окружающей среды в районе, который не ограничивается пределами национальной юрисдикции, и что ссылки Суда на «трансзональные ресурсы» могут также применяться к ресурсам, которые представляют собой общее наследие человечества». Что касается проекта руководящего положения 12 («Разрешение споров»), то оратор приветствует подтверждение в его тексте принципа мирного урегулирования споров, а также включение в комментарий ссылки на статью 33 Устава Организации Объединенных Наций. Было бы уместно включить аналогичную ссылку и в сам проект руководящего положения.

77. Переходя к теме временного применения договоров, оратор отмечает, что Перу уже представило некоторые предварительные замечания, касающиеся его опыта в сфере временного применения договоров. Что касается принятых в первом чтении проектов руководящих положений по данной теме, оратор приветствует включение в текст проекта руководящего положения 7 («Оговорки») соответствующих норм Венской конвенции 1969 года, применяемых *mutatis mutandis*, что гарантирует его соответствие внутреннему законодательству государств. Касаясь проекта руководящего положения 9 («Прекращение и приостановление временного применения»), выступающий указывает на необходимость проведения дальнейшего анализа для того, чтобы показать разницу между двусторонними и многосторонними договорами, подлежащими временному применению, что, в свою очередь, позволило бы учесть ситуации с многосторонними договорами, при которых один и тот же договор может уже вступить в силу для одних государств-участников, а в случае с другими государствами-участниками – применяться на временной основе.

78. Касаясь темы императивных норм общего международного права (*jus cogens*), оратор указывает, что его делегация обеспокоена возможными последствиями норм *jus cogens* в контексте проблемы иммунитета. Комиссии следует обеспечить, чтобы ее работа по данной теме, за исключением ссылок с формулировкой «без ущерба для...», не пересекалась с ее работой по темам, связанным с преступлениями против человечности и иммунитетом должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, особенно в том, что касается вопросов иммунитета.

79. **Г-жа Ким Хи Ми** (Республика Корея) говорит, что тема охраны атмосферы становится все более актуальной в свете обеспокоенности по поводу трансграничного загрязнения воздуха и проблем, связанных с тонкодисперсной пылью. Работа Комиссии над данной темой должна быть направлена на принятие руководящих положений и не мешать политическим переговорам по другим природоохранным вопросам, а также не иметь своей целью заполнение пробелов в существующих договорных режимах. Вместо этого Комиссии следует сосредоточиться на путях стимулирования и поддержки сотрудничества между заинтересованными государствами.

80. Переходя к обсуждению проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, оратор говорит, что ее делегация соглашается с проведенным в тексте проекта руководящего положения 10 («Имплементация») различием между «обязательствами»

и «рекомендациями», которые рассматриваются отдельно в пунктах 1 и 2. Однако, несмотря на то, что в пунктах 3 и 5 комментария к проекту руководящего положения четко разъясняется содержание термина «обязательства», в вопросе о том, что имеется в виду под «рекомендациями», такой ясности совсем нет. Объяснение данного вопроса стало бы более доступным, если бы было включено непосредственно в текст проектов руководящих положений или комментариев к ним.

81. В проекте руководящего положения 11 («Соблюдение») и комментарии к нему содержится конкретная информация о мерах, которые могли бы быть приняты в целях обеспечения соблюдения, включая стимулирующие и правоприменительные процедуры, а также приводится аргумент в пользу комплексного подхода к вопросу соблюдения; этот проект мог бы стать авторитетным источником международного права. Поскольку споры, касающиеся атмосферного загрязнения и атмосферной деградации, включая межгосударственные споры по вопросам экологического характера, бывают связаны с анализом большого количества фактов и научных данных, делегация Республики Корея поддерживает рекомендацию о привлечении к работе технических и научных экспертов, которая содержится в проекте вывода 12 («Разрешение споров»).

82. Переходя к теме временного применения договоров, оратор вновь подтверждает уверенность правительства Республики Корея в том, что работа Комиссии над данной темой внесет свой вклад в развитие договорного права. Что касается свода проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, то делегация оратора приветствует проект руководящего положения 7 («Оговорки») и проект руководящего положения 9 («Прекращение и приостановление временного применения»). Тем не менее ввиду отсутствия соответствующей практики государств к этим проектам руководящих положений следует подходить с осмотрительностью. Поэтому делегация Республики Корея поддерживает включение в текст обоих проектов руководящих положений формулировки «согласно соответствующим нормам Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров, применяемым *mutatis mutandis*». Касаясь предложенных Специальным докладчиком типовых положений, оратор отмечает, что они были разработаны лишь для одной формы соглашений, предусмотренной в проекте руководящего положения 4. Разработка типовых положений может быть воспринята как стимул к тому, чтобы государства полностью или частично применяли договоры на временной основе. Поэтому оратор призывает

Комиссию провести тщательный обзор данного вопроса на своей следующей сессии.

83. Работа Специального докладчика над темой, касающейся императивных норм общего международного права (*jus cogens*), затрагивает некоторые из наиболее сложных аспектов международного права, включая, в частности, взаимосвязь между императивными нормами общего международного права и многими другими вопросами, такими, как договоры, ответственность государств, индивидуальная уголовная ответственность и другие источники международного права. Специальному докладчику удалось подготовить всеобъемлющий доклад, в котором предпринимается попытка внести ясность в эти основополагающие вопросы международного права, невзирая на дефицит государственной и судебной практики. Вместе с тем оратор также выражает обеспокоенность по поводу того, что в течение очень короткого промежутка времени Специальный докладчик представил на рассмотрение Комиссии большое число проектов руководящих положений. Поскольку после того, как проекты выводов принимаются, их изменение, внесение в них поправок или их отмена становятся затруднительными, Комиссии следует провести их тщательный обзор, сгруппировав их по тематическому признаку, а не пытаться рассмотреть слишком большое число проектов выводов в продолжение одной сессии.

84. Общая структура проектов выводов может быть оптимизирована и упрощена. Так, например, проекты выводов 10–14, регламентирующие взаимосвязь между императивными нормами общего международного права и договорами, можно было бы изложить более компактно, сократив число проектов выводов. Как проект вывода 10, так и проект вывода 11 касаются вопроса о действительности договора в случае его коллизии с императивной нормой общего международного права; их можно было бы объединить в один проект вывода. Аналогичным образом, можно было бы объединить в один-два проекта выводов проекты выводов 20, 21 и 22 (все они касаются ответственности государств), а также проекты выводов 22 и 23, относящиеся к преступлениям, которые запрещены императивными нормами общего международного права.

85. Некоторые из проектов выводов также требуют уточнения, с тем чтобы они могли служить более эффективными ориентирами для государств. Например, хотя в тексте несколько раз затрагивается вопрос коллизии между различными источниками международного права, само понятие «коллизия» является двусмысленным. Государства по-разному характеризуют и толкуют свои собственные действия,

в том числе связанные с применением силы, что иногда приводит к разногласиям между государствами в отношении существования коллизии. Неясно также, кто именно принимает решение о наличии коллизии с точки зрения права. Специальному докладчику необходимо уточнить, какие именно критерии должны применять государства при решении вопроса о наличии коллизии с точки зрения права.

86. Что касается формирования корпуса императивных норм общего международного права, то некоторые проекты выводов непосредственно затрагивают правовые последствия возникновения новой императивной нормы общего международного права, но при этом не ясно, в какой именно момент наступают эти правовые последствия. В соответствии с пунктом 2 проекта вывода 11 договор, который стал недействительным вследствие возникновения новой императивной нормы общего международного права, прекращается в целом, тогда как согласно пункту 2 проекта вывода 12 прекращение договора по причине возникновения новой императивной нормы общего международного права не влияет на права, обязательства или юридическое положение, возникшие в результате исполнения договора. Следует отметить, что из-за нехватки соответствующей государственной и судебной практики государствам необходимо провести дополнительные обсуждения с целью внести ясность в данный вопрос.

87. Делегация Республики Корея вновь подтверждает свое мнение, согласно которому было бы более целесообразно включить в текст проектов выводов иллюстративный перечень императивных норм общего международного права. Хотя согласование такого перечня может занять время, он внесет значительный вклад в прогрессивное развитие международного права, что, в свою очередь, позволит избежать дальнейших споров по поводу выявления *jus cogens*.

88. **Г-н Скотт-Кеммис** (Австралия) говорит, что работа Комиссии над темой временного применения договоров позволит предоставить в распоряжение международного сообщества конкретную информацию по данному комплексу вопросов. Правительство Австралии намеревается подробно и с энтузиазмом изучить проекты руководящих положений, принятые в первом чтении.

89. Переходя к теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), оратор приветствует усилия Специального докладчика по рассмотрению значения и правовых последствий императивных норм общего международного права в свете соответствующих положений Венской конвенции

1969 года и других международных документов. Поскольку среди государств имеются разногласия в отношении целесообразности рассмотрения в рамках данной темы вопросов, связанных с индивидуальной уголовной ответственностью и иммунитетом *ratione materiae*, было бы полезно получить от Комиссии разъяснения относительно этой важной сферы международного права.

90. Говоря о конкретных проектах выводов, предложенных Специальным докладчиком, выступающий отмечает, что проекты выводов 22 и 23 не отражают каких-либо реально существующих тенденций в практике государств, не говоря уже о действующих нормах обычного международного права. На фоне таких обстоятельств, как многообразие мнений по данным проектам выводов, нашедшее свое отражение в докладе Специального докладчика, предложение Специального докладчика относительно того, чтобы заменить проекты выводов 22 и 23 одной клаузулой с использованием формулировки «без ущерба для...», а также тот факт, что Редакционный комитет еще не приступал к рассмотрению двух этих проектов выводов, Комиссии следует тщательно проанализировать данную тему с учетом тех важных последствий для государств, которые имеет работа Комиссии по этим вопросам.

91. **Г-жа Нгуэн Тху Джиан** (Вьетнам) говорит, что, поскольку охрана атмосферы является насущной проблемой, стоящей перед государствами и международным сообществом в целом, в четвертом пункте преамбулы к проектам руководящих положений, принятым в первом чтении, следует отразить концепцию «общей проблемы человечества», которая присутствует в Парижском соглашении, принятом в контексте Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Напоминающая, что восьмой пункт преамбулы был включен в текст для того, чтобы отразить в нем понимание, согласно которому проекты руководящих положений не должны были мешать переговорам, связанным с заключением Парижского соглашения, а Парижское соглашение было заключено в 2015 году, оратор говорит, что необходимость отражения этого понимания в тексте проектов руководящих положений уже отпала и что Комиссии следует пересмотреть свое решение относительно включения этого пункта в текст. Вьетнам поддерживает мнение Специального докладчика о том, что научные данные играют незаменимую роль в справедливом разрешении технически сложных споров по природоохранным вопросам, а также в защите интересов сторон в спорах. Поэтому делегация Вьетнама соглашается с мнением, согласно которому международным трибуналам и

судам при рассмотрении подобных споров следует не просто пассивно принимать доказательства, представляемые сторонами, а обращаться за помощью к ученым и экспертам.

92. Вьетнам поддерживает завершение рассмотрения в первом чтении проектов руководящих положений о временном применении договоров, которые, хотя и не являются обязательными для исполнения, тем не менее помогут государствам в формировании согласованной практики по этой теме. Что касается пункта b) проекта руководящего положения 4 проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, то оратор интересуется, будет ли временное применение того или иного договора, основанием для которого является резолюция международной организации, принятая большинством голосов, обязательным для тех государств, которые возражали против такого временного применения. Непонятно также, окажет ли применение подобного договора негативное влияние на национальный суверенитет таких государств.

93. В отношении пункта c) проекта руководящего положения 9, который включает в себя формулировку «без ущерба для...» в отношении раздела 3 части V Венской конвенции 1969 года, оратор отмечает, что часть V касается лишь договоров, уже вступивших в силу, тогда как тот проект руководящего положения, о котором идет речь, распространяется на договоры, применяемые на временной основе. Таким образом, правовые последствия серьезных нарушений договоров, применяемых на временной основе, представляют собой нечто принципиально новое. Специальному докладчику и Комиссии следует тщательно проанализировать такие нарушения, с тем чтобы выяснить применимость к подобным случаям Венской конвенции *mutatis mutandis*.

94. Переходя к теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), оратор говорит, что императивные нормы играют важную роль в сфере международного права и признаются Венской конвенцией, а также внутренним законодательством многих государств. В принятом во Вьетнаме в 2016 году законе о международных договорах *jus cogens* признается в качестве принципа, которого необходимо придерживаться в ходе переговоров, касающихся международных договоров, и их заключения. Тем не менее вопрос о том, каким образом подобные нормы должны выявляться, по-прежнему является неясным. Хотя прошлые попытки работы Комиссии над темой *jus cogens* не принесли заметных результатов, оратор призывает ее продолжить изучение вопросов, связанных с этой темой.

95. Что касается проекта вывода 16 из числа проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком, то делегация Вьетнама полностью поддерживает идею о том, что односторонний акт, который противоречит императивной норме международного права (*jus cogens*), является недействительным. Вместе с тем в целях обеспечения юридической точности оратор предлагает включить в заключительную часть текста данного проекта вывода слова “*ab initio*”, поскольку такой односторонний акт будет недействительным с самого начала. Отметив, что, помимо резолюций, межправительственные организации также принимают обязательные для исполнения решения и руководящие принципы, а также совершают другие обязывающие действия, оратор говорит, что Специальному докладчику целесообразно было бы разъяснить вопрос о том, распространяются ли положения проекта вывода 17 на все обязательные для исполнения акты международных организаций, а также о том, каким образом может быть гарантирован обязывающий характер таких актов.

96. Проект вывода 23 («Недопустимость ссылки на официальную должность и неприменимость иммунитета *ratione materiae*») был составлен с явным намерением предусмотреть исключение из иммунитета *ratione personae*. Такие действия, вероятнее всего, повлекут за собой нарушение принципа суверенитета и могут вступить в коллизию с соответствующими нормами, обсуждаемыми в настоящее время в связи с темой иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. Оратор призывает Комиссию подходить к данному вопросу, основываясь на пристальном и тщательном анализе государственной и судебной практики; для того, чтобы избежать дублирования в работе Комиссии, необходимо обсуждать его в рамках темы, касающейся иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции.

97. **Г-жа Джабар** (Малайзия), касаясь в начале своего выступления темы охраны атмосферы и проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, отмечает, что проект руководящего положения 10 («Имплементация»), который касается национальной имплементации международных обязательств, относящихся к охране атмосферы, следует надлежащим образом изучить. Касательно проекта руководящего положения 11 («Соблюдение»), отражающего принцип «договоры должны соблюдаться» и предусматривающего стимулирующие и правоприменительные меры, которые могут использоваться для оказания государствам содействия в выполнении их обязательств согласно соответствующим нормам

международного права, оратор указывает, что развивающиеся и наименее развитые страны сталкиваются с особыми проблемами в выполнении таких обязательств, в связи с чем особенно важное значение приобретают меры по наращиванию потенциала. Поэтому данный проект руководящего положения также следует подвергнуть должному изучению. Руководящее положение 12 («Разрешение споров») отражает нынешнюю склонность государств передавать споры, касающиеся охраны атмосферы, на рассмотрение международных судов и трибуналов, и также должно быть тщательным образом изучено.

98. Переходя к вопросу о временном применении договоров, оратор говорит, что ее делегация вновь подтверждает свои замечания по проектам руководящих положений, представленным в ходе предыдущих сессий, и в частности в ходе семьдесят второй сессии Генеральной Ассамблеи ([A/C.6/72/SR.22](#)), а также указывает, что внутренне законодательство Малайзии не содержит каких-либо конкретных положений, которые запрещали или разрешали бы временное применение договоров. В Малайзии ратификация любого международного договора всегда предшествует принятию соответствующих внутренних нормативно-правовых актов.

99. Касаясь двух новых проектов руководящих положений, предложенных Специальным докладчиком в его пятом докладе ([A/CN.4/718](#)), оратор говорит, что в своем понимании проекта руководящего положения 8-бис («Прекращение или приостановление временного применения договора или части договора в результате его нарушения») Малайзия руководствуется Статьей 60 Венской конвенции, в соответствии с которой существенное нарушение договора тем или иным государством дает другому государству, которое применяло договор на временной основе, право ссылаться на это нарушение как на основание для прекращения или приостановления его временного применения. Малайзия также считает, что существенным нарушением договора соответствующим государством может считаться лишь нарушение одного из его принципиально важных положений. В данной связи оратор отмечает, что статья 60 относится лишь к нарушениям договоров, вступивших в силу для их участников. Вместе с тем на всем протяжении периода рассмотрения данной темы неоднократно подтверждалось, что временное применение договора влечет за собой такие же правовые последствия, как и в том случае, если бы он уже вступил в силу, и приводит к возникновению обязательств, подлежащих выполнению в соответствии с принципом «договоры должны соблюдаться». Поэтому данный проект руководящего

положения должен быть изменен путем включения в него упоминания о государствах или международных организациях, которые вели переговоры о заключении соответствующего договора и согласились на его временное применение.

100. Что касается проекта руководящего положения 5 bis («Формулирование оговорок»), то Малайзия руководствуется положениям статьи 19 Венской конвенции, которая ничего не говорит о возможности формулирования оговорок в контексте временного применения договора. Для целей обеспечения последовательности и ясности в данном вопросе, возможно, было бы целесообразно предусмотреть, что государства имеют право формулировать оговорки в отношении того или иного договора, применяемого на временной основе, если такой договор содержит четкое указание на наличие такой возможности и если имеются основания полагать, что вступление этого договора в силу может быть отложено на неопределенное время.

101. Оратор подчеркивает ключевое значение того, чтобы при решении вопросов, связанных с временным применением того или иного конкретного договора, использовались источники обязательств, предусмотренные самим этим договором. В иных случаях (т.е. когда привлекаются дополнительные источники) основой и ориентиром при анализе соответствующих правовых последствий должно являться однозначное согласие государства на временное применение договора, которое должно быть выражено в рамках четко определенного механизма предоставления такого согласия. Поэтому данную тему следует обсудить дополнительно, принимая во внимание соображения государств, уникальность и контекстуальные различия положений договоров, а также практику государств в отношении таких различий.

102. Делегация Малайзии приветствует включение в программу работы Комиссии темы, касающейся императивных норм общего международного права (*jus cogens*); рассмотрение данной темы позволит внести столь необходимую ясность в принцип, который имеет принципиальное значение для прогрессивного развития международного права. Касательно вопроса о том, может ли государство, не являющееся участником договора, определить, что он является недействительным по причине его коллизии с той или иной императивной нормой общего международного права, Малайзия полагает, что государства должны иметь право определять содержание тех договоров, участниками которых они являются, если только такие договоры не противоречат императивным нормам общего международного

права. Вместе с тем решать вопрос о действительности того или иного договора с учетом его соответствия императивным нормам общего международного права должно международное сообщество в целом. Оратор просит Специального докладчика дополнительно прояснить вопрос об источниках *jus cogens*, а также провести тщательный анализ вопроса об изменениях в контексте положений статьи 53 Венской конвенции.

103. В отношении проекта вывода 9 из числа проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком, который касается подтверждений принятия и признания, оратор говорит, что результаты работы организаций экспертов, а также научные труды должны быть признаны международным сообществом государств в качестве дополнительных средств выявления императивных норм общего международного права.

104. Что касается возможности существования «региональных императивных норм общего международного права», то, по мнению делегации Малайзии, оно может оказаться не совместимым с самим понятием норм *jus cogens*, которые предполагают принятие и признание их сообществом государств в целом. Появление «региональных императивных норм международного права» также может повлечь за собой неразбериху, вследствие чего его необходимо избегать. Кроме того, оратор предлагает Специальному докладчику изучить вопрос о практике государств в вопросах *jus cogens* применительно к договорам.

105. Более подробные комментарии, отражающие позицию делегации Малайзии по ряду вышеназванных тем, содержатся в письменном заявлении оратора, с которыми можно ознакомиться на портале ЭКУБ.

106. **Г-жа Бунер** (Турция), касаясь темы «Охрана атмосферы» и проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, говорит, что проект руководящего положения 4 не совместим с заявленным общим характером проектов руководящих положений в целом. Несмотря на содержащиеся в последнем пункте преамбулы и общем комментарии заверения в том, что подготовленный текст не предназначен для заполнения пробелов в договорных режимах, а также для того, чтобы применять в отношении действующих договорных режимов какие-либо правовые нормы или принципы, которые ими не предусматриваются, проект руководящего положения 4 («Оценка воздействия на окружающую среду») содержит совершенно новое обязательство государств. В комментарии к данному проекту руководящего

положения эта непоследовательность надлежащим образом устранена не была.

107. Соответствие пункта 2 b) проекта руководящего положения 11 заявленной цели проектов руководящих положений также вызывает сомнения. Несмотря на то, что в подпункте а) содержатся предложения относительно стимулирующих процедур, которые могут быть использованы для оказания государствам транспарентным, невраждебным и ненаказательным образом помощи в соблюдении ими своих обязательств, подпункт b) содержит описание жестких правоприменительных процедур, которые могут применяться к государствам, не соблюдающим свои обязательства, а также формулировки, которые допускают возможность различного толкования. Делегация Турции хотела бы, чтобы этот подпункт был либо исключен из текста, либо уточнен и дополнен примерами.

108. Касательно темы временного применения договоров оратор указывает, что определение правовых последствий временного применения, о которых ничего не говорится в Венской конвенции, является наиболее деликатным элементом проектов руководящих положений, предложенных Специальным докладчиком. В соответствии с проектом руководящего положения 6 временное применение договора порождает юридически связывающее обязательство применять договор, как если бы он находился в силе, если только договор не предусматривает иное. В том случае, если в договоре ничего не говорится о правовых последствиях временного применения, Специальный докладчик предпочитает вариант, предусматривающий наличие юридически связывающего обязательства. Вместе с тем, поскольку договоры обычно не содержат никаких положений, регламентирующих данный вопрос, придание временному применению договора юридически обязывающего характера может де-факто превратить указанный вариант в норму. Такая ситуация может поставить под угрозу исключительные полномочия законодательного органа по предоставлению согласия на международные обязательства государства, поскольку согласие такого органа перестанет быть необходимым; она также может привести к тому, что у исполнительной власти не будет стимула для того, чтобы инициировать процесс ратификации и взаимодействовать с законодательным органом в целях его успешного завершения.

109. Требуется провести дальнейшие обсуждения и анализ в отношении вышеуказанного проекта руководящего положения, а также проекта руководящего положения 7, который касается возможного формулирования государствами оговорок в целях изменения

правовых последствий, возникающих в связи с временным применением договора. Разногласия между сторонами договора относительно обязывающей силы временного применения договоров могут порождать расхождения в том, что касается соблюдения, а также приводить к возникновению вопросов относительно соответствия такого договора общему принципу контрактного права, согласно которому ключевое значение для заключения контракта имеет взаимное согласие на обязательность соблюдения его положений. Дополнительные примеры оговорок в контексте временного применения договоров и уточнений могут быть включены в текст проектов руководящих положений или же комментариев к ним.

110. Переходя к теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), оратор указывает, что для того, чтобы обосновать свое желание сосредоточиться на последствиях *jus cogens*, Специальный докладчик заявил о нераздельности понятий «критерий» и «следствие». Так, например, он утверждал, что нарушение является не следствием, а критерием императивности той или иной нормы общего международного права. Делегация Турции придерживается противоположного мнения: нарушение не может являться критерием для выявления императивных норм общего международного права, а может быть лишь следствием их императивного характера. Дефицит государственной практики в данном вопросе, а также глубокие разногласия между государствами относительно других аспектов понятия *jus cogens* указывают на то, что эта тема является сложной и недостаточно хорошо изученной.

111. Помимо того, что данная тема вызывает разночтения в том, что касается сферы ее охвата и содержания, она также является абстрактной по своей сути. Содержащееся в статье 53 Венской конвенции определение императивной нормы общего международного права как нормы, которая «принимается и признается международным сообществом государств в целом», не включает в себя каких-либо критериев выявления подобных норм. Кроме того, данное определение не признается всеми государствами; некоторые из них утверждают, что в данной связи достаточно принятия и признания нормы императивной подавляющим большинством государств. Отказ авторов Венской конвенции назвать общеприемлемый критерий выявления норм *jus cogens* является причиной того, почему в данной связи не были предоставлены какие-либо дополнительные разъяснения, а в текст Конвенции не были включены какие-либо типовые примеры таких норм. Подобная неопределенность в том, что касается

сферы охвата и содержания, может повлечь за собой неверные толкования понятия *jus cogens*. Более того, Специальный докладчик даже включил пример такого неверного толкования в свой первый доклад по данной теме (A/CN.4/693). Турция поставила под сомнение достоверность этого примера в заявлении, сделанном в 2016 году. Выражая Специальному докладчику признательность за его ответ, оратор тем не менее вновь подтверждает возражение Турции в связи с данным вопросом по причинам, приводимым в указанном заявлении.

112. Более подробные комментарии, отражающие позицию делегации Турции по ряду вышеназванных тем, приводятся в письменном заявлении оратора, с которым можно ознакомиться на портале ЭКУБ.

113. **Г-н Ахмади** (Исламская Республика Иран) говорит, что тема охраны атмосферы является сложной и тесно взаимосвязанной с факторами политического, технического и научного характера. Международно-правовой режим, регламентирующий данную тему и основанный на общих принципах международного права и на принципе суверенного равенства государств, может быть выработан лишь в том случае, если будут должным образом учтены особые потребности и приоритеты развивающихся стран. Отмечая, что концепция «общей проблемы человечества» является хорошо известной и уже была поддержана и отражена в одном из пунктов преамбулы Парижского соглашения 2015 года, делегация оратора считает, что в четвертом пункте преамбулы проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, было бы более уместно упомянуть данную концепцию, а не употреблять формулировку «насуточной озабоченности международного сообщества в целом».

114. Переходя к теме временного применения договоров, выступающий вновь подтверждает мнение своей делегации, согласно которому в соответствии со статьей 25 Венской конвенции временное применение договора тем или иным государством не порождает каких-либо обязательств и вследствие этого не может служить основанием для ограничения прав государства в отношении его будущих действий в контексте договора, который может применяться на временной основе. Подчеркивая ключевое значение принципа согласия в рамках международного права, и особенно права договоров, а также необходимость сохранять гибкий и необязывающий характер предлагаемых руководящих положений по данной теме, оратор говорит, что временное применение договора государствами всегда должно быть добровольным, а не принудительным.

115. В данной связи Специальный докладчик правильно указал в своем докладе (A/CN.4/718), что проекты руководящих положений, не лишая механизм временного применения договоров изначально присущей ему гибкости посредством чрезмерной конкретизации режима, предусмотренного в статье 25 Венской конвенции, послужат в качестве практических инструментов для растущего числа пользователей норм международного права. Делегация Исламской Республики Иран исходит из того понимания, что проекты руководящих положений будут применяться исключительно к многосторонним договорам, поскольку временное применение двусторонних договоров является нелогичным с точки зрения основополагающего принципа равенства государств, а также взаимного характера прав и обязанностей, вытекающих из таких договоров. Делегация оратора соглашается с той точкой зрения, согласно которой в государствах, где действует принцип дуализма, предусматривающий, что вступлению в силу международных договоров должно предшествовать их утверждение в рамках внутригосударственных правовых процедур, решение о временном применении договора также вступает в силу лишь после того, как оно будет утверждено в рамках этих внутригосударственных процедур. Делегация Исламской Республики Иран приветствует решение встроить проект руководящего положения об оговорках в контекст временного применения договора или части договора. Статья 19 Венской конвенции предусматривает, что государство может формулировать оговорки к договорам, вследствие чего временное применение договора государством не ущемляет его права формулировать оговорки к этому договору.

116. Переходя к проекту руководящего положения 4, выступающий говорит, что перечисляемые в нем формы соглашения на временное применение договоров также должны применяться к тем договорам, которые не предусматривают возможности временного применения. Он также вновь заявляет об обеспокоенности своей делегации по поводу включения в резолюции и декларации, принимаемые международными организациями, любых других средств или механизмов предоставления согласия на временное применение договоров. Несмотря на то, что резолюции, принимаемые в рамках международных форумов, имеют определенный вес с точки зрения тех договоров, которые в них упоминаются, в некоторых случаях они являются результатом политических компромиссов и не всегда отражают согласие государств на вступление в силу или временное применение договоров. Кроме того, формулировка «любых других средств или договоренностей» является слишком широкой. Что касается заключения

отдельного договора в качестве еще одного средства предоставления согласия на временное применение договоров, то, как отмечает выступающий, заключение отдельного договора обуславливает необходимость отдельного процесса и поэтому не будет способствовать вступлению договора в силу, что должно являться целью временного применения.

117. В связи с темой императивных норм общего международного права (*jus cogens*) и проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком, делегация Исламской Республики Иран соглашается с проектом вывода 17, в котором, в частности, указывается, что обязательные для исполнения резолюции Совета Безопасности не создают юридически связывающих обязательств, если они противоречат императивной норме общего международного права. Как утверждает Специальный докладчик в своем третьем докладе (A/CN.4/714), существует общий консенсус в отношении того, что действие принципа нарушения императивных норм распространяется и на резолюции Совета Безопасности. По мнению делегации оратора, статья 103 Устава Организации Объединенных Наций, которая предусматривает, что в случае коллизии между обязательствами по Уставу и обязательствами по какому-либо другому международному соглашению преимущественную силу имеют обязательства по Уставу, не применима к коллизиям между императивными нормами общего международного права и обязательствами по Уставу, вследствие чего в подобных ситуациях преимущественную силу будут иметь императивные нормы общего международного права. Делегация Исламской Республики Иран также считает, что резолюции Совета Безопасности, не совместимые с международным правом и положениями Устава, не создают каких-либо обязательств для государств.

118. Проекты выводов 20 («Обязанность сотрудничать») и 21 («Обязанность не признавать и не оказывать содействия») очевидно основаны на статьях 40 и 41 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Обязательства, предусмотренные пунктом 2 статьи 41, представляют собой прогрессивное развитие международного права, признанное и поддержанное Международным Судом в его консультативном заключении по делу «Юридические последствия для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности», а также в его консультативном заключении по делу «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории». В консультативном заключении по делу, связанному со

строительством стены, Суд определил, что все государства несут обязательство не признавать незаконное положение, сложившееся в результате нарушения обязательств, которые вытекают императивных норм общего международного права, а также пришел к выводу о существовании обязательства не оказывать поддержку или помощь в сохранении положения, сложившегося в результате нарушения. Вместе с тем делегация оратора считает, что в текст следует добавить пункт, предусматривающий, что такое непризнание не должно приводить к негативным последствиям для затронутых сложившимся положением отдельных лиц или населения. Таким образом, в соответствии с консультативным заключением по делу, касающемуся Намибии, соответствующие акты гражданского состояния, включая акты о рождении, смерти и вступлении в брак, должны признаваться.

119. В связи с проектом вывода 23, касающимся неприменимости иммунитета *ratione materiae* к преступлениям, запрещенным императивными нормами международного права, делегация Исламской Республики Иран считает, что такая концепция не оправдывается практикой, на которую ссылается Специальный докладчик, и заходит гораздо дальше, нежели аналогичная клаузула в контексте работы Комиссии над темой иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. Таким образом, включение данного проекта вывода в текст создает проблемы и затрудняет достижение консенсуса по двум другим темам: иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции и преступления против человечности. С тем, чтобы избежать непоследовательности и дублирования в работе, Комиссии следует воздержаться от рассмотрения этих вопросов в контексте темы, касающейся императивных норм общего международного права, а также от попыток предвосхитить результаты обсуждения двух других тем, о которых говорится выше.

Заседание закрывается в 13 ч 00 мин.